

Дмитрий Громов

Немцов мост как место символической интеракции

Убийство оппозиционного политика Б.Е. Немцова на Большом Москворецком мосту 28 февраля 2015 г. стимулировало символическую интеракцию, пространственным центром которой стало место убийства и стихийно возникший на нем мемориал. Интеракция осуществляется между активистами, поддерживающими память о Немцове, и акторами, представляющими «власть» вследствие своих должностных обязанностей, идеологических позиций или административно-хозяйственной необходимости. Контекстом, обуславливающим восприятие произошедшего убийства, является политическая обстановка в стране. В статье рассматриваются способы формирования символических высказываний в ходе интеракции: для этого служат плакаты, оформление мемориала, высказывания в СМИ, а также социальные действия (в первую очередь направленные на поддержание или разрушение мемориала). Символическая интеракция происходит в рамках трех дискурсов: смерти, политики и закона.

Ключевые слова: символический интеракционизм, уличная акция, спонтанный мемориал, коммеморативные практики, социальная драматургия, дискурс-анализ, смерть.

В ночь на 28 февраля 2015 г. в самом центре Москвы, на Большом Москворецком мосту, произошло убийство политика Б.Е. Немцова. Уже к утру здесь возник большой стихийный мемориал (ил. 1, 2, 4), который существует и по сей день (статья пишется в октябре 2016 г.). Мемориал многократно уничтожался городскими службами и идеологическими оппонентами, но в считанные часы возобновлялся. С 28 марта здесь возникло круглосуточное дежурство, осуществляемое добровольцами; требованием дежурящих на мосту является установление здесь мемориальной доски в память о Немцове. В первые недели появился и стал общеупотребимым неформальный топоним *Немцов мост*, обозначающий не столько Большой Москворецкий мост, на котором произошло убийство, сколько мемориал на месте убийства.

Историю мемориала и многие аспекты его существования мы изложили в отдельной статье [Громов 2016]. Здесь же будут рассмотрены коммеморативные практики, посвященные памяти Б.Е. Немцова, с точки зрения конструирования и интерпретации символических действий. Его гибель стимулировала символическую интеракцию, в которую вовлечены акторы разного типа —

Дмитрий Вячеславович Громов
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
gromovdvd@mail.ru

гражданские активисты, административно-хозяйственные субъекты, средства массовой информации и т.д. В ходе развития ситуации осуществлялись различные социальные действия и происходила их интерпретация; причем способы интерпретации, как правило, зависели от идеологических и политических установок социальных акторов, вовлеченных в ситуацию.

В качестве теоретической основы мы используем прежде всего *символический интеракционизм* — направление исследований, рассматривающее социальные действия как обмен символическими высказываниями и их интерпретацию. Публичные действия, связанные со сферой политического, могут рассматриваться как высказывания, адресованные обществу и власти. Любой публичный политический акт направлен на формирование некоего информационного посыла; политическая акция — это «действие, выступление, предпринимаемое для достижения какой-либо цели» [БЭС 1999: 30]. Политический активизм может быть описан с точки зрения символического интеракционизма, интерпретирующего социальные действия как процесс «выработки и изменения социальных значений, постоянного определения и переопределения ситуаций взаимодействия их участниками» [Культурология 1998: 209]. В ходе социальных взаимодействий индивиды и группы людей «интерпретируют или определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них. Их реакции не вызываются непосредственно действиями другого, а основываются на значении, которое они придают подобным действиям. Таким образом, интеракция людей опосредуется использованием символов, их интерпретацией или приданием значения действиям другого» [Блумер 1984: 173].

При анализе коммуникативного обмена символическими действиями применяются методы дискурс-анализа (особенно в расширенном понимании, рассматривающем действие как высказывание) и семиотического анализа [Леонтович 2011: 104–118]. Разнообразный полевой материал анализируется с помощью интерпретативных кодов — перцептуальных и идеологических.

Большое значение для анализа имеет концепция социальной драматургии, разрабатывавшаяся И. Гофманом и его последователями [Гофман 2000; Alexander et al. 2006]. Данная статья является продолжением наших исследований политического активизма, выполнявшихся в рамках концепции социальной драматургии [Громов 2012а; 2012б; 2014: 108–118]; в предыдущих работах мы развили данный теоретический подход, предложив схему описания для коллективных пуб-

личных действий. Согласно этой схеме политические уличные акции рассматриваются как «театральные» действия, направленные на создание информационного посыла и предполагающие наличие зрителей, сценария, стратегии, тактики, декораций, реквизита, ведущего, критиков, исполнителей [Громов 2012б: 121–360].

§ 1. Субъекты и дискурсы интеракции

Прежде чем начать рассмотрение символической интеракции на Большом Москворецком мосту, нужно определиться, кто является ее субъектами.

Один субъект очевиден — это граждане, которые чтут память Бориса Немцова и поддерживают мемориал на месте его гибели. Круг этих граждан может ситуативно расширяться во время мемориальных уличных акций (которые проходят, кстати, не только в Москве, постоянно действующий мемориал есть и в Нижнем Новгороде). Более узкий круг — активисты, поддерживающие мемориал; это участники движения «Солидарность», одним из основателей которого был Немцов (они дежурят с 11.00 субботы до 23.00 воскресенья каждой недели), и добровольцы, самоорганизовавшиеся для дежурства (они несут вахту всё остальное время). Примыкают к этому кругу еще и жертвователи, перечисляющие средства для поддержания мемориала (мы знакомимся с отчетами о пожертвованиях — основная часть «кассы» формируется взносами в среднем по 1 тыс. руб.). СМИ мало освещают тематику мемориала; причем публикации появляются почти исключительно в СМИ, позиционирующих себя как оппозиционные: в еженедельнике «Собеседник», на телеканале «Дождь».

Сложнее с другим субъектом интеракции. Можно было бы назвать противоположного участника символического диалога словом *Власть*. Но структурировать это понятие затруднительно. Высшая государственная власть сохраняет нейтралитет по вопросам мемориала. Мало того, В.В. Путин высказывался в пользу поддержания мемориала на месте убийства¹. В принципе, заявлялось о согласии увековечить память Немцова в московской топонимике (но не применительно конкретно к Большому Москворецкому мосту) [Мосгордума отвергла 2015; А если 2015].

Участниками символической интеракции оказываются некоторые субъекты, выступающие на стороне Власти и выражаю-

¹ Прямая линия с Владимиром Путиным (16 апреля 2015 г.). <<http://kremlin.ru/events/president/news/49261>>.

щие ее интересы. Каждый из этих субъектов имеет собственную точку зрения на происходящее и интерпретирует ситуацию по-своему.

1. Официальные и пропутинские СМИ, особенно центральное телевидение. Формально они должны давать объективное описание событий, но на деле являются выразителями официальной точки зрения по политическим и социальным вопросам.

Фрейм, в котором такие СМИ воспринимают ситуацию с убийством и мемориалом, — соответствие политической конъюнктуры (взаимоотношение власти с оппозицией, украинский кризис, международные отношения, формирование сил в преддверии нового электорального цикла и т.д.).

2. Группы активистов, выступающие как противники мемориала. Помимо одиночных лиц, выразивших агрессию по отношению к мемориалу (во время нашего наблюдения мы не раз с такими сталкивались), есть две группы, выступающие против мемориала централизованно. Группа “South-East Radical Block” (SERB) (руководитель И. Бекетов, больше известный под псевдонимом Гоша Тарасевич) неоднократно нападала на мемориал, в том числе трижды полностью его уничтожала. Организация «Национально-освободительное движение» (НОД) проявляла интерес к мемориалу весной 2015 г.; провоцирующая акция проводилась около мемориала 31 июля; по итогам акции был опубликован видеосюжет¹. Активисты НОД нападали на мемориал Бориса Немцова в Нижнем Новгороде [Нападение 2016]. Кроме того, активисты SERB и, возможно, НОД участвуют в провокациях против одиночных пикетов на Манежной площади. Нам доводилось лично видеть ситуацию, когда при разгоне одной из несанкционированных оппозиционных акций активисты SERB действовали совместно с полицией.

Две указанные группы целью своей деятельности имеют борьбу с «пятой колонной» и угрозой «цветных революций». Соответственно, фрейм восприятия мемориала на Большом Москворецком мосту для них — угроза «цветной революции», мемориал воспринимается как форпост Майдана.

3. ГУП «Гормост», отвечающее за состояние всех мостов столицы. Именно «Гормост» регулярно «зачищает» мемориал; в течение 2015 г. полное уничтожение производилось с частотой примерно раз в месяц; в 2016 г. интенсивность нападений увеличилась — в ночь на 9 мая мемориал был полностью унич-

¹ <<https://www.youtube.com/watch?v=1sXouq347IY>>; <<https://www.youtube.com/watch?v=4Zhc7xX78aE>>.

тожен двенадцатый раз с начала года. Кроме того, осуществлялись попытки выматывать дежурящих на мосту хозяйственными мероприятиями; так, в мае 2015 г. производилась еженочная помывка места мемориала с помощью гидравлических шлангов высокого давления; дежурные были вынуждены за короткое время убирать мемориал и потом возвращать его на место.

Фрейм восприятия мемориала для работников «Гормоста» — хозяйственно-административный: мемориал находится на территории, которая обслуживается «Гормостом». Нужно учитывать, что зона вокруг Кремля всегда была режимной территорией; ее контролирует Федеральная служба охраны, и никто не хочет иметь проблем из-за собирающихся здесь оппозиционеров (тем более никто не хочет терять престижную работу в самом центре города). Уже поэтому мемориал является для «Гормоста» крайне нежелательным объектом.

4. Руководство Москвы. В частности, мнения о целесообразности мемориала были высказаны в Мосгордуме на заседании комиссии по монументальному искусству (14 июля 2015 г.). Фрейм восприятия неясен, однако очевидна мотивация исполнения служебных обязанностей и следования политической конъюнктуре.

5. Полиция. Взаимоотношения с активистами, поддерживающими мемориал, — от нейтрально-доброжелательных до антагонистических. В первой половине 2016 г. полиция сотрудничала с «Гормостом» при уничтожении мемориала: сначала полиция под надуманным предлогом удаляла дежурных, потом приезжали работники «Гормоста». Фрейм — исполнение служебных обязанностей.

6. Федеральная служба охраны (ФСО), поддерживающая порядок в охраняемой зоне Кремля, является «невидимым», но, возможно, значимым субъектом интеракции. Иногда при задержании дежурных полиция ссылается на запросы сотрудников ФСО, наблюдающих за Большим Москворецким мостом с кремлевской стены.

Возникает вопрос о том, насколько перечисленные «провластные» субъекты интеракции свободны в своих действиях. Действуют ли они согласно собственной инициативе или под руководством «сверху»? Однозначно ответить на эти вопросы трудно, поскольку механизмы принятия решений по мемориалу скрыты от внешнего наблюдателя. На это указывает опыт оппозиционного депутата Государственной думы Д.Г. Гудкова, который 18 января 2016 г. провел с руководством «Гормоста» переговоры о судьбе мемориала и, казалось бы, достиг догово-

ренности о его сохранении, однако на следующую же ночь мемориал снова был разрушен. То, что человеку с полномочиями депутата Государственной думы не удалось отследить механизмы принятия решений и воздействовать на них, говорит о закрытости системы.

* * *

Обозначив субъектов символической интеракции, отметим три дискурса, в которых происходит интеракция. Каждый дискурс обуславливает код интерпретации событий, связанных с мемориалом Немцова.

Политический дискурс является основным, поскольку рассматриваемые события являются политическими по сути; это символическое продолжение политической деятельности убитого Бориса Немцова (см. § 7).

Дискурс закона обуславливает интерпретацию различных действий как законных или незаконных (см. § 8).

Дискурс смерти корректирует символическую интеракцию, привнося в нее экзистенциальный план (см. § 6).

Прежде чем интерпретировать социальные процессы в контекстах различных дискурсов, рассмотрим фактологический материал: символические высказывания разных сторон после убийства (см. § 2), в ходе мемориального шествия 1 марта (см. § 3), поддержания мемориала (см. § 4), реагирования на конфликты (см. § 5).

§ 2. Интерпретация убийства как ситуации неопределенности

Данные «Левада-центра» показали высокий уровень эмоционального реагирования россиян на гибель Бориса Немцова. Согласно ответам респондентов, испытали возмущение, гнев 8 % россиян; сочувствие, горе — 26 %; тревогу, страх — 7 %; недоумение — 17 %; удовлетворение — 1 %; не испытали никаких особых чувств — 37 %; наиболее сочувственно на гибель политика реагировали жители столицы¹. Согласно этим данным, всего 1 % россиян (а среди москвичей — вообще исчезающе мало) одобряли убийство; остальные в той или иной степени были против убийства или, по крайней мере, относились к происходящему нейтрально.

Гибель Бориса Немцова породила ситуацию неопределенности. И не только из-за анонимности убийцы и заказчика, но также из-за неопределенности политического статуса самого

¹ <<http://www.levada.ru/2015/03/18/boris-nemtsov>>.

Немцова и неопределенности политической ситуации, в которую он как оппозиционный политик был включен.

Неопределенность статуса. С одной стороны, Борис Немцов был для власти не чужим человеком; в 1990-е гг. это был крупный политик, одно время даже занимавший пост первого заместителя председателя Правительства России. С другой стороны, в последние годы он выступал как один из лидеров несистемной оппозиции и являлся последовательным критиком власти.

Неопределенность политической ситуации связана с накапливанием кризисных явлений в российской политике и экономике. В частности, важным фактором является рост в российском обществе моральных паник, связанных с «пятой колонной» — внутренним врагом, стремящимся к ослаблению страны; деятельность «пятой колонны», как считается, направляется США и связана с оппозиционной активностью. По данным «Левада-центра», 41 % россиян полностью поддерживают борьбу государства с «иностранными агентами» и «пятой колонной Запада», причем этот показатель растет¹. Развитие моральной паники происходит из-за, во-первых, наличия в обществе фоновой тревожности, выражающейся в ксенофобии, во-вторых, «технической готовности пропагандистской системы», и, в-третьих, стимулирования паники «с самого верха» [Борусьяк, Левинсон 2015]. Борис Немцов воспринимался как один из лидеров оппозиции и поэтому был встроен в фобии, связанные с «пятой колонной».

Убийство Немцова как экстремальное событие активизировало политические фобии и потенциальные конфликты, существующие в российском обществе. Большинство комментаторов увидели в убийстве провокацию с целью создания конфликта между властью и оппозицией, но направленность этого конфликта определяли исходя из своего политического позиционирования. Оппозиционеры видят в убийстве начало политических репрессий [Убийство Бориса Немцова 2015; Резолюция 2015]; сторонники В.В. Путина — провокацию, направленную на дискредитацию действующей власти [Борусьяк, Левинсон 2015; Кадыров заявил 2015].

Символическая интеракция, возникшая при первичной интерпретации убийства, обнажила линии политического напряжения, существующие в российском обществе: интерпретаторы высказали мнения согласно собственным установкам и политической конъюнктуре.

¹ <<http://www.levada.ru/2015/12/08/borba-s-pyatoy-kolonnoj-i-oshhushhenie-svobody-v-obshhestve>>.

§ 3. Плакаты шествия 1 марта как символическое высказывание

Мощным символическим «высказыванием» стал мемориальный марш, посвященный памяти Бориса Немцова, 1 марта 2015 г. На этот день намечался Антикризисный марш «Весна», который должен был пройти во многих городах России. Убийство Немцова (одного из организаторов марша) изменило тематику шествия; в Москве оно, по согласованию с властями, было перенесено из окраинного района Марьино в центр. Участники шествия прошли от Славянской площади по Китайгородскому проезду, Москворецкой набережной, а затем и по Большому Москворецкому мосту, на котором произошло убийство.

По формату шествие представляло собой политическую акцию, однако ее отличал мемориальный характер; траур был подчеркнут наличием черных лент на одежде и флагах, цветами в руках участников, содержанием плакатов (см.: [МАФ 2015]).

Любая акция предполагает формирование определенного информационного посыла, который определяется действиями организаторов, задействованных групп и рядовых участников. Рассмотрим, как информационный посыл создавался с помощью плакатов, использованных активистами.

В таблице 1 представлены основные темы плакатов с мемориальных шествий в Москве и Санкт-Петербурге.

Для анализа высказываний были взяты изображения 237 плакатов, сфотографированных на московском шествии М.Д. Алексеевским, М.В. Ахметовой, Д.Ю. Дорониным, А.Б. Морозом и мной. В качестве сравнительного материала использовались изображения 118 плакатов, снятых В.Ф. Лурье на мемориальном шествии в Санкт-Петербурге.

Таблица 1

Темы, представленные в плакатах шествия памяти
Б.Е. Немцова, 1 марта 2015 г.

№	Тема	Москва, n = 237		Санкт-Петербург, n = 118	
		Кол-во	Процент	Кол-во	Процент
1	Немцов, всего	100	42	31	26
	в том числе:				
1a	— конкретизация убийства	67	28	23	19
1b	— скорбь без упоминания об убийстве	33	14	8	7

2	Государственная власть России в том числе:	67	28	38	32
2a	— критика власти (кроме темы террора)	15	6	15	13
2b	— государственный террор	52	22	23	19
3	Украина, всего в том числе:	61	26	48	40
3a	— аннексия Крыма, война в Донбассе, Небесная сотня	31	13	38	31
3b	— Надежда Савченко	30	13	11	9
4	Противодействие пропаганде	10	4	5	4
5	Активная гражданская позиция индивида	36	15	17	14
6	Прочее	23	10	9	8

Примеры высказываний, содержащихся в плакатах:

1a. «Мразь ненавидит духовно богатых сильных и красивых людей», «За правду — четыре пули», «Борис Ефимович стал жертвой “Великого Вдохновителя” “вежливых” убийц», «Шито белыми нитками», «Карлики стреляли в спину», «Немцова убила война», «Всех не убьешь».

1b. «Нет слов», «Борис! Спасибо Вам!», «Борис, ты прав! Сто раз прав!», «Почтите память! Перечитайте его экспертные доклады».

2a. «Зачем нам такая власть?», «Государство в упадке, если властвует авторитаризм», «Президент, соблюдай Конституцию!», «Владимир Путин — крестный отец Кремля».

2b. «Кто следующий? Я?», «Je suis Nemtsov» (ил. 2), «Убийцам — ад проклятья», «Рашизм убивает», «Террор начался», «Убийца — Путин», «Конституции не повезло с гарантом», «Обратно в 37-й? Мой дед мне этого не простит!», «Россия! С новым тебя 1937 годом», «У власти уже нет иных аргументов кроме убийства своих оппонентов».

3a. «Остановить военную авантюру в Украине!», «Руки прочь от Украины», «Наш солдат не пушечное мясо. / Мы за вывод армии с Донбасса», «Крым наш, а Россия — нет».

3b. «Путин убивает надежду», «Борис убит, надежда умирает», «Путин есть, надежды нет!», «Весна с надеждой», «Так убивают надежду», «Надежда жива, свободу Надежде».

4. «Пропаганда убивает», «Лживые “СМИ”! Вы — соучастники!», «Журналисты! Имейте совесть! Хватит сеять ненависть!», «Нет государственной пропаганде войны».

5. «Мне страшно, но я не боюсь», «Страх за детей и внуков сильнее страха собственной смерти», «Никто сейчас не имеет права на нейтралитет», «Эй, полицейское государство, я здесь!», «Борись!», «Я — Борис».

Основным ядром «коллективного высказывания», сформированного участниками мемориальных акций, стало поминание Б.Е. Немцова (табл. 1: строка 1) с акцентом на его трагической гибели (1а). В качестве социально-политического контекста, формирующего это событие, были представлены: несовершенство власти (2а), терроризм (в том числе государственный — 2б), дестабилизирующее участие России в украинском политическом кризисе (3), агрессивная пропаганда (4). Как нравственное следствие из этого, декларировались активная гражданская позиция и сопричастность единомышленников (5).

Нетрудно заметить, что всем перечисленным темам Борис Немцов при жизни уделял большое внимание (например, в последние месяцы жизни он работал над экспертным докладом «Путин. Война», посвященным событиям на востоке Украины). Таким образом, высказывания, содержащиеся на плакатах, фактически являются тематическим продолжением высказываний самого Немцова; люди, собравшиеся на марш памяти, символически продолжают дело погибшего. На марш собрались преимущественно единомышленники, разделяющие убеждения погибшего; не будучи при жизни однозначным лидером протеста, он стал символическим лидером после смерти.

Ответом на мемориальную акцию стало занижение ее численности в официальных СМИ: говорилось (со ссылкой на данные полиции [ГУМВД 2016]) о 21 тыс. участников вместо 40 тыс., по нашим подсчетам. «Коллективное высказывание», созданное участниками мемориального шествия (многочисленность пришедших, плакаты, оформление колонн и т.д.), в ходе символической интеракции было частично нейтрализовано официальными СМИ. Впрочем, нужно отметить, что занижение количества участников мемориального шествия в два раза — достаточно невелико; по нашим оценкам, в 2014 — начале 2015 г. численность оппозиционных акций занижалась в 5–7 раз.

§ 4. Мемориал как символическое высказывание

Мемориал в его статичном состоянии также является высказыванием, наполненным символическими смыслами. На формирование информационного посыла оказывают влияние предметы, из которых он состоит. Фактически мемориал является инсталляцией.

Цветы как традиционная форма выражения скорби и почтения составляют основу мемориала. В первые дни после убий-

ства их было необычайно много (ил. 1), ими было выложено все пространство вдоль парапета в сторону Красной площади (это 120 м). В повседневном своем состоянии мемориал в длину занимает от нескольких до полутора-двух десятков метров. Зимой 2015–2016 гг. было выставлено много композиций из хвойного лапника; этот материал также традиционен для похоронно-поминальной обрядности. На цветы и флаги иногда повязываются черные траурные ленты.

Светильники и свечи также воспринимаются как часть привычной похоронно-поминальной обрядности. Лампады, защищающие свечи от ветра, продаются в церковных лавках (товар «Неугасимая лампада»).

Центральной частью мемориала является собственно место, на котором произошло убийство. Здесь обычно расположены самые крупные *портреты* и табличка, указывающая количество дней после убийства (меняется ежедневно) (ил. 4). С самого начала существования мемориала на нем были широко представлены портреты работы Елены Хейдиз [Московская художница 2015]. Портреты очень часто содержат *высказывания* самого Немцова; иногда высказывания приводятся на отдельных плакатах.

В целом *плакаты* как символические объекты представлены довольно слабо. В первые дни их было много; в частности, участники шествия 1 марта оставляли свои плакаты на мемориале (ил. 1, 2). Впоследствии из соображений юридической неузвимости (см. § 8) дежурные стали размещать на мемориале только то, что касается памяти Немцова; прочие высказывания появляются здесь редко и находятся недолго.

На мемориале часто выкладываются листки со *стихами*, посвященными Немцову или связанными с тематикой мемориала; у нас накопилось несколько десятков таких текстов.

Встречаются *символические предметы*; например флажки государств, которые привозят на мемориал туристы. Однажды мы видели композицию из лент, на которых были написаны фамилии политзаключенных. На сороковины на мемориале была оставлена автомобильная покрывка (отсылка к киевскому Майдану) с надписью “We will be back”. Всегда здесь есть табличка «Немцов мост», стилизованная под стандартные таблички московских улиц.

Помимо лампад на мемориале довольно широко представлены *предметы православного культа*, в частности иконы; их приносят большей частью посторонние посетители. 2 апреля на парапете был закреплен поклонный крест (примерно через

пять дней дежурные сняли его по просьбе родственников Немцова).

Наконец, очень значимый символический элемент мемориала — *российский государственный флаг*.

Одной из новаций мемориального марша 1 марта стало массовое использование таких флагов (они были подготовлены к акции еще до гибели Б.Е. Немцова). Колонны были все в трехцветных флагах (ил. 3); организаторы раздавали флаги всем желающим, и их охотно брали.

Один из наиболее часто воспроизводимых в СМИ плакатов — трехцветный российский флаг, истекающий кровью от прошивших его пуль.

Флаг активно использовался и на мемориале. В числе дат, отмечаемых на Большом Москворецком мосту, День российского флага (22 августа). Российский триколор связывается с Немцовым лично и идеями строительства демократического государства, которым он следовал.

Нуждается в осмыслении сам факт причисления государственного российского триколора к символике оппозиции. Дело в том, что раньше этот флаг использовался на оппозиционных уличных акциях крайне редко; он воспринимался исключительно как официальный символ. После мемориального шествия 1 марта триколор стал фактически одним из символов оппозиции (ее либеральной части); так, на митинге «За сменяемость власти» 21 сентября он был представлен очень широко. Нам представляется, что изменение семантики государственного флага обусловлено не только ситуативной причиной (погиб представитель первой генерации российских политиков, с которой и связано появление трехцветного флага), но и более глубокими причинами: современная российская государственность стала восприниматься как нечто отличное от государственности 1990-х гг., ассоциирующейся с либерально-демократической идеологией.

Предметный ряд мемориала — многозначное символическое высказывание. Однако наиболее значимой частью этого высказывания является наличие на мемориале собственно *людей* — дежурных, активистов, несущих здесь вахту.

Во время первого интервью я услышал, что с момента начала круглосуточных дежурств вахта на Большом Москворецком мосту ни разу не прерывалась. Наблюдая за происходящим на мемориале, я пришел к выводу, что дежурные действительно крайне щепетильно относятся к идее непрерывности дежурств. Многократно приходилось наблюдать случаи, когда активисты

выходили на сверхплановые смены, подменяя тех, кто не смог заступить на дежурство.

Как символическое высказывание можно расценить быструю возобновляемость мемориала. Как уже говорилось, он регулярно уничтожается «Гормостом» и пропутинскими активистами. Нападения всегда происходили в конце ночи, однако уже утром на мемориале появлялись первые цветы и предметы, а к обеду он возобновлялся в достаточном объеме. Возобновление происходило за счет оперативных действий активистов, а в финансовом отношении — за счет пожертвований. Таким образом, основным элементом мемориала являются активисты, действия которых можно расценить как бессрочный пикет или вахту памяти. Сам мемориал легко уничтожается, но быстро восстанавливается за счет активизма как ресурса.

В целом мемориал может расцениваться как коллективное символическое высказывание, связанное с мемориализацией Б.Е. Немцова, но, по мере возможностей, затрагивающее и политические аспекты (см. § 7).

§ 5. Конфликт как стимул самоорганизации

Рассматривая события, происходящие на Большом Москворецком мосту, мы видим преимущественно действия создателей и хранителей мемориала; кажется, что в символическом смысле это монолог, а не диалог, поскольку второй «собеседник» проявляет себя редко и однообразно (его действия — преимущественно разрушение мемориала). Но на наличие именно *интеракции* указывает то, что в интервью с активистами, поддерживающими мемориал на Большом Москворецком мосту, постоянно встречается одна и та же парадоксальная мысль: беспрецедентно долгое существование мемориала обусловлено, помимо прочего, репрессиям против него: «Вандализм только разогревает страсти. И получается обратный эффект: после каждого нападения цветов приносят всё больше» (Лехтонен О.)¹ [Кто ухаживает 2015]; «Если бы не было погромов, постепенно здесь все закончилось бы. Лежало бы три цветочка; да на полгода привезли бы еще букетов» (Ковхаева К.).

Действительно, ключевые моменты мобилизации активистов были связаны именно с разрушением мемориала.

Первый такой момент — возникновение круглосуточных дежурств. В первый месяц систематических дежурств на Боль-

¹ В круглых скобках указаны фамилии информантов — активистов Немцова моста.

шом Москворецком мосту не было, но 25 марта мемориал был разрушен активистами движения SERB, а в ночь на 28 марта — сотрудниками «Гормоста». Реакцией на происходящее стало возникновение дежурств уже 28 марта.

Второй момент — сорок дней после гибели Немцова. Согласно православной и общегражданской традиции, поминальные действия производятся на девятый и сороковой день, через полгода и год после смерти. Многие хранители мемориала предлагали прекратить дежурства после сороковин, и это, возможно, произошло бы, если бы «Гормост» и SERB не произвели бы серию новых нападений.

Агрессия против мемориала делает сообщество активистов более сплоченным. Действует правило: большие трудности разъединяют, умеренные трудности — сплачивают.

Собственно, продолжение дежурств обусловлено тем, что власти Москвы не идут навстречу дежурным в удовлетворении основного требования: установки памятной доски или таблички. Большинство моих информантов говорили, что согласны прекратить дежурства после установления памятного знака. Но это решение не удается принять, поскольку в основе символической интеракции на Большом Москворецком мосту лежит политический конфликт.

Рассматривая случай мемориала на месте убийства Б.Е. Немцова, мы видим, что интеракция как «диалог», обмен символически насыщенными действиями является важным условием существования мемориала; без конфликта здесь не было бы круглосуточных дежурств, и мемориал не сформировался бы в его нынешнем виде.

§ 6. Дискурс смерти

Проведение политических акций в настоящее время жестко регламентировано законом. Есть, кроме того, привычная практика выстраивания отношений между властью и оппозицией, в том числе в сфере уличного акционизма. *Смерть* Бориса Немцова значительно изменила эти практики; введение экзистенциального дискурса в сферу политики и закона изменило многие параметры реагирования власти¹.

1. Марш 1 марта был перенесен из Марьино, где планировался ранее, к стенам Кремля, что указывает на небывалое благово-

¹ В литературе о технологиях «цветных революций» большое внимание уделяется теме «сакральной жертвы» — насильственной гибели некоего человека, который впоследствии выступает как символ революции <<http://www.iarex.ru/articles/51572.html>>.

ление со стороны властей. Это, кажется, первый случай, когда оппозиционная акция была согласована так близко к Кремлю. По воспоминаниям участников переговоров по согласованию, представители власти были дезориентированы ситуацией и растеряны.

В случае отказа от согласования шествия власти оказались бы в невыгодном положении — на стороне активистов была бы правда, обусловленная смертью.

2. На НТВ был отменен показ уже стоявшего в программе фильма «Анатомия протеста» [На НТВ передумали 2015], призванного скомпрометировать оппозицию и Немцова в частности.

3. При всех нападках со стороны «Гормоста» и полиции лояльность власти к происходящему на мемориале довольно высока; опытные активисты отмечают это: «Борис своей смертью подарил это место. <...> Просто я человек, которого задерживали на Красной и Манежной площади не один десяток раз, в первые дежурства для меня была такая странность, что я здесь нахожусь, и почему-то не бежит полиция, ничего там» (Митюшкина Н.). Собственно, ничто не мешает полиции расценить происходящее на мосту как пикет и прекратить его согласно нормам проведения пикетов; однако этого не делается. Показательно различие в экстремальности дежурств на Большом Москворецком мосту и проходящих параллельно одиночных пикетов на Манежной площади. При многочисленных экстремальных ситуациях на мемориале за все время его существования был осужден (по КоАП) всего один человек. Напротив, на Манежной площади производились многочисленные задержания, в том числе с помощью провокаторов; на четверых активистов (М.И. Гальперина, И.И. Дадина, В.И. Ионова, И.Л. Калмыкову) были заведены уголовные дела по ст. 212.1 УК РФ; двое из них осуждены, двое бежали из страны. Мемориальный характер акции делает репрессии против активистов, поддерживающих память о Немцове, затруднительными; и мы думаем, на первом месте здесь стоят доводы морального плана, а не отсутствие правового регламентирования спонтанной уличной мемориализации.

В то же время, несмотря на послабления, власть сохранила дистанцию по отношению к происходящему, что символически выразилось в игнорировании похорон: «Высшие должностные лица государства, парламентское руководство и многие представители крупного бизнеса отказались прийти на панихиду и похороны Бориса Немцова» [Немцова похоронили 2015]. Красноречивая деталь: в течение полугода после гибели Немцова у его могилы дежурил автозак; предполагалось, что

собравшиеся помянуть политика могут устроить на кладбище беспорядки.

* * *

Мемориальный характер вахты приводит к тому, что некоторые активисты считают свои действия *неполитическими*: «Это не совсем политика. Люди вышли сюда не оттого, что политикой занимаются, а оттого, что им тупо запрещают плакать там, где они плачут. Их пытаются регулировать уже вплоть до того, что об этом человеке ты можешь помнить и скорбеть, а об этом уже не можешь; этому ты можешь принести цветы и поклониться, а этому — не можешь. Кто имеет право это регулировать? Есть божеские законы, в конце концов» (Лехтонен О.). Т.е. политическое по сути действие переводится в экзистенциальный дискурс.

Другой, более опытный активист объяснил это смешением двух дискурсов: «Когда речь о таких вещах [как убийство Немцова], это вещь гуманитарная скорее. Потому что это общечеловеческое. Если убивают человека, это затрагивает все общество, речь не идет о том, что кто-то делает грязные дела или оттягивает голоса — это общая человеческая позиция. Равно как, на самом деле (это я расширяю), как и многие вопросы, которые поднимает оппозиция. <...> Здесь мы поднимаем вопросы, которые отражаются в политике, но исходно являются гуманитарными» (Мищенко И.).

§ 7. Политический дискурс

Как было показано выше (см. §§ 3–4), и мемориальное шествие 1 марта, и мемориал на Большом Москворецком мосту являются символическими высказываниями, связанными не только с поминовением Б.Е. Немцова, но и с воспроизводством его политической позиции. В частности, в данном параграфе мы рассмотрим, как в процессе поддержания мемориала символически репрезентируются, во-первых, тема индивидуальной гражданской активности, традиционная для либерального дискурса, во-вторых — тема взаимоотношений с Украиной. Обе темы как символические высказывания присутствовали и на марше памяти Немцова 1 марта (см. § 3), и в оформлении мемориала (см. § 4).

Индивидуальная гражданская активность. Нужно учитывать, что плакаты политического содержания были нежелательны на мемориале — мемориал мог быть расценен как политическая акция, и это делало бы его уязвимым. Однако высказывания политического характера оставались в «малых» вербальных формах: стихах, листовках, подписях к портретам Немцо-

ва. Большинство этих текстов носили мемориальный характер, но в них часто встречались высказывания, касающиеся гражданских прав и свобод, гражданской активности.

Однако наиболее показательным символом индивидуальной гражданской активности является собственно *поведение людей*, находящихся здесь. Дежурящие — это и есть основной символический элемент мемориала; дежурство — это символическое высказывание. Оно происходит при любых погодных условиях — в том числе в условиях зимы. Оно продолжается вопреки нападениям и зачисткам «Гормоста». На момент написания статьи оно длится уже более полутора лет. Как уже говорилось выше (см. § 4), присутствие на Большом Москворецком мосту дежурных едва ли не важнее, чем наличие самого мемориала; при уничтожении мемориала дежурные продолжают нести вахту до его восстановления. Т.е. по формату мемориал памяти Немцова — это скорее пикет, чем инсталляция.

Символика вахты памяти, как мы уже говорили выше, основана на мотиве «последнего рубежа» — некой индивидуальной правовой или нравственной границы, которую защищают дежурящие на мемориале: «Все, что здесь происходило, для меня не из области политики, а из области рыцарства — чести и совести. Хотелось искупить перед Борисом Немцовым. Я здесь не за табличку, я здесь за совесть, за честь, и чтобы людей больше не убивали. Хотя, наверно, для этого нужна и табличка» (Героев Слава).

Тема Украины. Как мы уже говорили, тема Украины была широко представлена на мемориальном шествии памяти Немцова. Представлена она и в изобразительном ряде мемориала. Здесь периодически появляются маленькие украинские флажки и предметы, воспроизводящие цвета украинского флага — желтый и голубой. Это специально подобранные букеты, ленты и т.д. (§ 4). Иногда их в частном порядке приносят граждане Украины, приезжающие в Москву. В начале марта 2016 г., перед судом над Надеждой Савченко, здесь были ее портреты. Тема Украины встречается в стихах, которые оставляют на мемориале. Активисты достаточно часто используют специфический «майданный» лексикон.

* * *

Может показаться, что при рассмотрении символической репрезентации мемориала на Большом Москворецком мосту не идет речи об интеракции. Но она есть, потому что противники мемориала также активно создают интерпретации, компрометирующие и мемориал, и проходящую здесь вахту памяти.

Активисты SERB'а и НОДа, совершающие акции против мемориала, обвиняют дежурящих в подготовке Майдана (оранжевой революции, направленной на смену власти и ослабление России), в работе за деньги, в недемократичности¹. Они являются выразителями мнений «антимайданно» настроенной части общества, а частично и формируют эти мнения. Подобные высказывания можно встретить, например, на антимайданных ресурсах интернета.

Легко заметить, что интерпретации обеих сторон интеракции зачастую касаются одних и тех же категорий: памяти, бескорыстности и т.д. С одной стороны, говорится о памяти погибшего Бориса Немцова, с другой — утверждается, что память Немцова активистам безразлична, им нужен только самопиар и отправная точка для Майдана. С одной стороны, декларируются гражданская активность, бескорыстность и идеализм «последнего рубежа», с другой — активисты обвиняются в проплаченности (тем более — со стороны Запада). С одной стороны, говорится о солидарности с Украиной, с другой — звучат обвинения в подготовке Майдана по киевскому сценарию. Происходит противопоставление двух противоположных интерпретаций происходящего, причем интеракция осуществляется в политическом дискурсе, в пространстве смыслов, обусловленном актуальной политической повесткой.

§ 8. Дискурс закона

Ситуация вокруг мемориала на Большом Москворецком мосту, как и любое социальное действие, имеет правовое измерение. Действия участвующих в интеракции сторон происходят в правовом поле, т.е. существуют определенные правовые нормы, которые обуславливают действия акторов: они следуют этим нормам или нарушают их. Например, существуют нормативные документы, регламентирующие проведение уличных политических акций; все, кто совершает что-либо похожее на акцию, вынуждены им следовать. Первоочередное значение для ситуации имеют нормативные акты, связанные с установкой мемориальных досок, обслуживанием улиц и мостов, уборкой территории и т.д.

Говоря о ситуации неопределенности (см. § 2), нужно сказать и о правовой неопределенности существования стихийных мемориалов. С 2002 г. происходит постепенное ужесточение

¹ <<https://www.youtube.com/watch?v=4Zhc7xX78aE>>; <<https://www.youtube.com/watch?v=YdxC3EAL0kw>>; <<https://www.youtube.com/watch?v=Hio6zAsuIaA>>.

норм проведения уличных акций. Это общая тенденция не затронула спонтанных коммеморативных практик: уличные мемориалы до сих пор существуют спонтанно, «вне закона». Возможно, такая тенденция обусловлена закономерностью, отмеченной в § 6: смерть воспринимается как нечто нарушающее привычные отношения и нормы. Как бы то ни было, на настоящий момент длительность существования мемориала определяется разве что традицией, согласно которой поминальные действия ограничиваются сорока днями после смерти; как уже отмечалось в § 5, сороковины были важным моральным рубежом и для активистов.

Ситуация неопределенности, возникшая вокруг мемориала, приводит к тому, что языком, на котором субъектам проще всего взаимодействовать, является *язык закона*. Особенно это относится к государственным структурам. Должностные обязанности, политическая конъюнктура, почтение к смерти, необходимость взаимодействовать с активистами — все эти факторы несут госслужащим неопределенность и риск. Но ситуация для них упрощается и формализуется, если строго следовать букве закона.

В данном случае нужно напомнить (см. § 1), что мы затрудняемся проследить механизмы принятия решений внутри власти как субъекта интеракции. Мы видим только действия отдельных представителей власти: полиции, «Гормоста» и т.д. Нам неизвестно, и мы не беремся судить о том, получают ли они какие-то директивные указания «сверху» относительно мемориала или же они действуют сами, согласно актуальной политической конъюнктуре (для анализа символической интеракции достаточно в качестве гипотезы принять второй вариант — о добровольной ориентации на политическую конъюнктуру). Важно, что представители власти, по сути, встроены в административную иерархию и обязаны подчиняться вышестоящему руководству. Они руководствуются нормами трудовой дисциплины и избегают потенциальных конфликтов с высшими этажами власти, держатся за свою работу. Поэтому в ситуации неопределенности для них самое лучшее — найти подходящий нормативный документ и следовать ему.

Нормативные документы, к которым обращаются участники интеракции, многообразны — от Конституции РФ до должностных инструкций. Возможна апелляция и к источникам, которые нормативными документами не являются, но пользуются авторитетом; например, далее мы увидим, как действия обуславливаются мнением президента РФ. Иногда при правовой интерпретации различных ситуаций выявляется

несоответствие различных документов: они трактуют одну и ту же ситуацию по-разному. В частности, для протестного активизма типична ситуация, когда активисты ссылаются на Конституцию РФ и международные акты, а представители правоохранительных органов и государственных учреждений — на недавно принятые законы, постановления, должностные инструкции.

Основным юридическим документом, препятствующим выполнению требований активистов Большого Москворецкого моста, является принятое Правительством Москвы Положение о порядке установления в городе Москве мемориальных досок; согласно п. 4.1 этого документа, «мемориальные доски устанавливаются не ранее, чем через 10 лет после свершившегося исторического события или кончины увековечиваемого лица» [Об утверждении Положения 2009]. Именно на это положение ссылается В.В. Путин, говоря о мемориализации памяти Б.Е. Немцова¹. Чтобы установить памятный знак в обход этого Положения, нужно решение мэра Москвы или президента РФ. Для этого активистами движения «Солидарность» осуществлялся сбор подписей, которые в сентябре 2016 г. были представлены в Мэрию Москвы вместе с заявкой на установку мемориальной доски, однако эта заявка не была удовлетворена.

Рассмотрим пример того, как представители государственных структур подстраивают свои действия под имеющиеся нормативные требования. Как уже говорилось, 16 апреля президент РФ поддержал идею сохранения мемориала и увековечения памяти Бориса Немцова в целом. В частности, было сказано: «Что касается цветов, знаков внимания другого рода, я вообще не понимаю, с чем связаны ограничения, и я их не приветствую. Наоборот, я считаю, что ничего здесь страшного нет. Ну что такого, если люди приходят, икону положили или цветы? Если это никому не мешает, я не вижу здесь никаких проблем. И обязательно поговорю с мэром на этот счет, чтобы никаких препятствий не чинили»². Точно в соответствии с данным высказыванием «Гормостом» была скорректирована и борьба с мемориалом: теперь во время зачисток стали убирать портреты Немцова (о них ведь Путин не говорил), а цветы — оставляли. Высказывание президента РФ здесь хоть и не нормативный документ, но максимально авторитетное выражение политической конъюнктуры; столь авторитетное

¹ Прямая линия с Владимиром Путиным (16 апреля 2015 г.). <<http://kremlin.ru/events/president/news/49261>>.

² Там же.

публичное высказывание не может не учитываться при исполнении служебных обязанностей.

Еще один пример. Полиция запрещает использование на мемориале государственных российских флагов, ссылаясь на внутреннюю инструкцию «Гормоста», регламентирующую размещение здесь предметов рекламного и информационного характера. Эти странные гонения обусловлены, видимо, страхом допустить нарушение ст. 329 УК РФ «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации».

Говоря об ориентации представителей государственных структур на законность, нужно пояснить: это не отменяет незаконный с их стороны. Так, регулярно происходят (а в начале 2016 г. участились) задержания активистов под надуманными предложениями, похищение личных вещей активистов. Однако можно предположить, что эти действия всё равно осуществляются в рамках диапазона возможностей, предоставляемых политической конъюнктурой и должностными обязанностями. Борьба с мемориалом не представляется работникам госструктур политическим действием, активистам предъявляются только хозяйственно-административные претензии, а нарушения закона производятся большей частью в рамках неформально принятых «норм».

Чиновники-запретители в ситуации с мемориалом большей частью апеллируют к категориям не политическим, а связанным с законностью и безопасностью. В частности, показательны высказывания чиновников, сделанные в Мосгордуме 14 июля на заседании комиссии по монументальному искусству. Здесь было единогласно принято решение не устанавливать на Большом Москворецком мосту памятного знака [А если 2015; Не стоит 2015; Власти 2015]. В качестве причин запрета участники заседания указывали инженерную безопасность моста, угрозу антисанитарии, террористическую опасность (опасность теракта видится в скоплении предметов, где можно спрятать бомбу), безопасность движения, провоцирование вандализма, пропаганду насилия и суицида. Также высказывалась идея, что в Москве нет традиции отмечать памятным знаком место убийства, хотя это не так — в городе существует более десятка мемориалов и мемориальных знаков на местах терактов и убийств. Единственное «политическое» мнение, высказанное на совещании, сводилось к тому, что мемориальный знак будет стимулировать конфликты между сторонниками и противниками Немцова.

Активисты мемориала вынуждены проявлять максимальную юридическую неуязвимость. В этом отношении поддержание

мемориала по сути своей близко уличной политической акции; для политических активистов также важно неукоснительное следование принципу юридической неуязвимости [Громов 2012б: 166–178].

1. Мемориал не содержит плакатов политического содержания — здесь все посвящено исключительно памяти Бориса Немцова. Размещение плакатов, не связанных с Немцовым, могло бы быть расценено как организация несанкционированного пикета.
2. Категорически запрещено пребывание на дежурстве в нетрезвом состоянии. Запрещено также приносить что-либо хоть приблизительно напоминающее оружие.
3. Предполагается максимальная дружелюбность дежурных по отношению к прохожим; нужно отвечать на все вопросы, давать разъяснения, поддерживать беседы.
4. Все конфликтные ситуации на мосту, будь то беседа с представителями полиции, провокаторами и просто неадекватными гражданами (заходят сюда и такие), фиксируются на видео; портативная видеокамера выдается одному из дежурных смены.
5. В случае любых конфликтов вызывается полиция, нарушители сдаются туда; полицейские относятся к проблемам большей частью с пониманием.
6. Все цветы обрезаются и содержатся в пластиковых вазах (случайные прохожие регулярно принимают мемориал за цветочный магазин и пытаются что-нибудь купить). Плакаты ламинируются (для защиты от влаги и придания мемориалу большей аккуратности). Мусор и увядшие цветы убираются. В общем, делается все для того, чтобы работницы «Гормоста» не имели возможности «помочь» активистам с уборкой.
7. В случае дождя запрещается натягивание тента — сотрудники ФСБ, наблюдающие за мемориалом с кремлевской стены, могут принять тент за палатки, а значит — за начало Майдана; в мае 2015 г. такой случай был.

При уходе за мемориалом учитываются любые претензии со стороны оппонентов. Так, было высказано опасение, что в беспорядочной куче цветов террористы при желании могут спрятать бомбу. Теперь беспорядочной кучи нет, всё просматривается. При одном из разгромов мемориала было обнаружено много камней (они использовались для закрепления пластиковых ваз), оппоненты задали вопрос: зачем мирным гражданам камни, не Майдан ли готовят? В результате сейчас камни для

закрепления ваз не используются, хотя это и создает неудобства.

Человеческая и юридическая корректность активистов — это фактор, обеспечивающий безопасность и мемориала, и самих активистов. В то же время и государственные служащие, чья деятельность связана с Большим Москворецким мостом, должны обеспечивать собственную неуязвимость, выполняя свои должностные обязанности и следуя политической конъюнктуре. В таких условиях символическая интеракция между этими двумя сторонами осуществляется с неперменным учетом правового дискурса.

* * *

Подведем итоги сказанного.

Убийство оппозиционного политика Б.Е. Немцова на Большом Москворецком мосту стимулировало символическую интеракцию, пространственным центром которой стало место убийства и стихийно возникший на нем мемориал. Интеракция осуществляется между активистами, поддерживающими память о Немцове, и акторами, представляющими «власть» вследствие своих должностных обязанностей, идеологических позиций или административно-хозяйственной необходимости. Ввиду непрозрачности принятия решений неясным остается вопрос о целенаправленной координации провластных субъектов интеракции, но очевидно их следование политической конъюнктуре (§ 1).

Убийство оказалось актом, встроенным в контекст политической напряженности, существующей в российском обществе; в частности моральной паники, связанной с предполагаемым наличием «пятой колонны», поддерживающей деятельность Запада по дестабилизации обстановки в России (§ 1). Наличие внутренней напряженности, социально-политических фобий, усиление репрессий по отношению к активистам и общая неопределенность ситуации привели к формированию интерпретаций, обусловленных установками акторов и политической конъюнктурой (§ 2).

Символические высказывания сторонников Немцова в ходе интеракции фактически являются продолжением его собственных политических высказываний. На плакатах мемориального шествия 1 марта 2015 г., кроме темы скорби по погибшему, присутствует критика власти (в том числе — обвинения в государственном терроре), декларируется позиция по вопросу взаимоотношений с Украиной, выражается протест против пропаганды в СМИ, продвигается идея индивидуальной активной гражданской позиции (§ 3).

Эти темы впоследствии были символически представлены в оформлении мемориала с поправкой на его правовой статус. Так, были исключены плакаты, содержащие критические высказывания в адрес власти (при наличии таких высказываний мемориал приобретает статус политической акции). Остались только вещи, имеющие мемориальную символику: портреты, цветы, свечи, предметы православного культа; символические политические высказывания можно обнаружить в подписях к портретам и стихах, в символических предметах, подборе цветовой гаммы и т.д. (§ 4). Основой символического высказывания мемориала стали собственно дежурные, иллюстрирующие своими действиями либеральные принципы неизблемости гражданских прав. Основной мотивацией дежурных, помимо собственно памяти Бориса Немцова, является идея «последнего рубежа» — мемориал сохраняется как символ противодействия террору и поддержания гражданских свобод. Долгосрочное непрерывное и бескорыстное дежурство — это наиболее значимое символическое действие, производимое здесь (§ 4).

С точки зрения теории социальной драматургии И. Гофмана, передний план мемориала на Большом Москворецком мосту формирует символическое высказывание, обращенное к власти и обществу. Его концепция не основана на драматическом сценарии, но «сценарием» является сама ситуация убийства, вписанного в политический контекст. Драматическое действие, свойственное уличным акциям, заменяется символически насыщенным круглосуточным и круглогодичным бескорыстным подвижничеством — добровольным дежурством. Исполнителями социального действия являются активисты при поддержке добровольных жертвователей. Реквизит акции — предметы, составляющие мемориал (§ 4). Большое значение имеет декорация действия — убийство произошло в самом центре столицы, это место, нагруженное символическими смыслами, высокостатусное, красивое; наличие такой декорации повышает эмоциональную насыщенность восприятия мемориала. По формату мемориал наиболее близок к пикету и инсталляции.

Стимулом самоорганизации активистов стали нападки на мемориал; таким образом, интеракция оказывается условием его существования (§ 5).

Интерпретация событий символической интеракции, связанной с мемориалом на Большом Москворецком мосту, происходит в рамках трех дискурсов: дискурса смерти (§ 6), политического дискурса (§ 7) и дискурса закона (§ 8).

Политический дискурс является основным, поскольку рассматриваемые события являются политическими по сути; они являются символическим продолжением политической деятельности убитого Бориса Немцова. И в ходе траурных акций, и в процессе поддержания мемориала символически репрезентируются, во-первых, тема индивидуальной гражданской активности, традиционная для либерального дискурса, во-вторых, тема взаимоотношений с Украиной. При этом интерпретации сторонников и противников мемориала зачастую касаются одних и тех же категорий: памяти, бескорыстности и т.д., но интерпретируются они с точки зрения установок, уже имеющихся у акторов, и обусловлены актуальной политической повесткой.

Смерть как значимый символический фактор оказывает заметное влияние на многие параметры интеракции — и действия активистов, и реакцию властей. В частности, власть проявляет больше терпимости к существованию мемориала («смерть обязывает»). Введение в ситуацию экзистенциального фактора приводит к тому, что некоторые активисты расценивают поддержание мемориала как неполитическое действие.

Дискурс закона обуславливает интерпретацию различных действий с правовой точки зрения. В ситуации неопределенности, возникшей вокруг мемориала, этот дискурс оказывается наиболее простым для интеракции. С одной стороны, он выгоден представителям государственных структур, поскольку строгое следование букве закона позволяет формализовать ситуацию, снизить неопределенность и риск. С другой стороны, юридическая корректность поведения активистов обеспечивает безопасность мемориала и их самих. В таких условиях символическая интеракция между этими двумя сторонами осуществляется с неременным учетом правового дискурса. Это не исключает нарушений закона со стороны представителей государственных структур, но эти нарушения мотивируются (по крайней мере, открыто) неполитическими причинами. При этом несомненно, что действия представителей государственных структур детерминируются политической конъюнктурой.

В данном случае три дискурса — политики, смерти и закона — дают пространство для интеракции, поставляя «наборы символов, которые люди используют в интерпретации ситуаций» [Блумер 1984: 177].

Источники

- А если все начнут на мосту стреляться?! // Собеседник. 2015. № 27. С. 18.
- Власти Москвы отказались ставить памятник Немцову на Большом Москворецком мосту // NEWSru.com. 2015, 14 июля. <<http://www.newsru.com/arch/russia/14jul2015/nemtsovpmiatnik.html>>.
- ГУМВД: около 21 тысячи человек пришли на марш памяти Немцова в Москве // РИА Новости. 2016, 1 марта. <<http://ria.ru/society/20150301/1050294002.html>>.
- Кадыров заявил, что знает, кто убил Немцова. И сравнил того с известным террористом // NEWSru.com. 2015, 28 фев. <<http://www.newsru.com/russia/28feb2015/kadyrovsays.html>>.
- Кто ухаживает за «Мостом Немцова» // Мослента. 2015, 1 апр. <<http://moslenta.ru/article/2015/04/01/lehtonen>>.
- Мосгордума отвергла идею установки мемориала на месте убийства Немцова // НТВ.Ru. 2015, 3 апр. <<http://www.ntv.ru/novosti/1388040/?fb#ixzz3kZl5KxnV>>.
- Московская художница нарисовала 83 портрета Немцова в знак протеста // Газета.ru. 2015, 2 апр. <http://www.gazeta.ru/culture/news/2015/04/02/n_7072925.shtml>.
- На НТВ передумали показывать «Анатомию протеста» с Немцовым // Собеседник. 2015, 28 фев. <<http://sobesednik.ru/politika/20150228-na-ntv-peredumali-pokazyvat-anatomiyu-protesta-s-nemcovym>>.
- Нападение! в Нижнем Новгороде! // Немцов мост. 2016, 12 фев. <http://nemtsov-most.org/2016/02/12/napadeniye_v_nijnem_novgorode_obnovlyaetsya>.
- Не стоит увековечивать убийство: Мосгордума запретила строить мемориал Немцова на мосту // Вести.ru. 2015, 14 июля. <<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2641116&tid=108209>>.
- Немцова похоронили на Троекуровском кладбище Москвы // ВВС. Русская служба. 2015, 3 марта. <http://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150303_nemtsov_funeral>.
- Об утверждении Положения о порядке установки в городе Москве мемориальных досок (с изменениями на 8 декабря 2015 года). Правительство Москвы. Постановление от 1 декабря 2009 года № 1287-ПП. <<http://docs.cntd.ru/document/3715549>>.
- Резолюция V Съезда Движения «Солидарность» 18 апреля 2015 г. <<http://www.rusolidarnost.ru/rezolutsiya-v-sjezda-odd-solidarnost-2015>>.
- Убийство Бориса Немцова грозит открыть серию расправ // Собеседник. 2015, 28 фев. <<http://sobesednik.ru/politika/20150228-ubiystvo-borisa-nemcova-grozit-otkryt-seriyu-rasprav>>.

Библиография

- Борусяк Л., Левинсон А. Анатомия ненависти: как возникло посткрымское единство россиян // РБК. 2015, 18 марта. <<http://www.rbc.ru/opinions/society/18/03/2015/550973de9a7947327e5f3a1c>>.

- Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.
- [БЭС 1999] Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 1456 с.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
- Громов Д.В.* Конфликт в Бирюлёво // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 108–118.
- Громов Д.В.* «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма // Антропологический форум. 2012а. № 16 Online. С. 135–153.
- Громов Д.В.* Немцов мост: мемориализация и конфликт интересов // Усна історія (не)подоланого минулого: подія — наратив — інтерпретація: Матеріали міжнар. наук. конф., [м. Одеса] 8–11 жовтня 2015 р. / [Упоряд. Г. Грінченко]. Харків: [б.и.], 2016. С. 192–114.
- Громов Д.В.* Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: ИЭА РАН, 2012б. 506 с.
- Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. Т. 1. 447 с.
- Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- [МАФ 2015] «Траурное шествие» в Москве и Петербурге: от похоронной процессии к политической демонстрации // Мониторинг актуального фольклора. Бюллетень исследовательской группы. 2015, янв.-март. М.: РАНХиГС, 2015. Вып. 1–3. С. 37–40.
- Alexander J., Giesen B., Mast J.* (eds.). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 374 p.

Nemtsov Bridge as a Place of Symbolic Interaction

Dmitry Gromov

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Leninsky pr., 32a, Moscow, Russia
gromovdv@mail.ru

The murder of an opposition politician Boris E. Nemtsov on the Bolshoy Moskvoretskiy bridge (28 February 2015) stimulated a symbolic interaction. A place of murder and spontaneous memorial arising here became a spatial interaction centre. Interaction takes place between activists preserving the memory of Nemtsov, and actors representing the “power” (as a result of their official duties or ideological positions). The participants of interaction perceive the murder of Nemtsov in the context of the current political agenda.

The aim of this article is to consider ways of forming symbolic statements in the course of interaction.

Research methods include participant observation, interviews, quantitative and qualitative content analysis. The methodology is a dramaturgical model of sociology, using discourse analysis.

Symbolic statements are being made such as a design for a memorial, posters mourning processions, mass media messages, etc. Symbolic statements include various social activities primarily aimed at maintaining or destroying the memorial.

Interaction takes place in the framework of three discourses: political (1), thanatological (2) and legal (3).

1. Actions of activists are in fact a continuation of Nemtsov’s political activity: they symbolically represent the issues he paid attention to (criticism of the authorities, individual civic engagement, relations with Ukraine, and others). Actions of ideological opponents of the memorial are responding to political phobias existing in society.

2. So to say, death realigns actions of the participants of interaction (both activists and representatives of the “authorities”). The commemorative quality of practices makes it possible not to define what is happening as a political street action (installation).

3. Legal discourse determines the interpretation of various actions in terms of the law. In the situation of uncertainty which has arisen around the memorial, this discourse is the easiest and most convenient way to interact.

Keywords: symbolic interactionism, street action, spontaneous memorials, commemorative practice, dramaturgical model of sociology, discourse analysis, death.

References

- Alexander J., Giesen B., Mast J. (eds.), *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 374 pp.
- Blumer H., ‘Society as Symbolic Interaction’, Blumer H., *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1986, pp. 78–89.
- Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [The Large Encyclopedia]. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1999, 1456 pp.
- Borusyak L., Levinson A., ‘Anatomiya nenavisti: kak vzniklo postkrymskoe edinstvo rossiyan’ [Anatomy of Hate: How the Post-Crimean Unity of Russians Was Formed], *RBC*, 2015, March 18. <<http://www.rbc.ru/opinions/society/18/03/2015/550973de9a7947327e5f3a1c>>. (In Russian).
- Goffman E., *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books, 1959, 259 pp.
- Gromov D. V., ‘Konflikt v Biryulevo’ [The Conflict in Biryulyovo], Tishkov V. A., Stepanov V. V. (eds.), *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2013 godu. Yezhegodnyy doklad* [The Ethno-political Situation in Russia and the Neighbouring States in 2013. Annual Report]. Moscow: IEA RAN, 2014, pp. 108–118. (In Russian).
- Gromov D., ‘Nemtsov most: memorializatsiya i konflikt interesov’ [Nemtsov Bridge: Memorialisation and Conflicts of Interest], Grinchenko G. (ed.), *Usna istoriya (ne)podolanogo minulogo: podiya — narativ — interpretatsiya: Materiali mizhnar. nauk. konf., [m. Odesa] 8–11 zhovtnya 2015 r.* [Oral History of (not) Overcome Past: Event — Narrative — Interpretation]. Kharkiv: [No publisher given], 2016, pp. 192–114. (In Russian).
- Gromov D. V., *Ulichnye aksii (molodezhnyy politicheskiy aktivizm v Rossii)* [Street Actions (Youth Political Activism in Russia)]. Moscow: IEA RAN, 2012, 506 pp. (In Russian).
- Gromov D., ‘“We Are Not the Opposition, We Are the People”: New Features of Street Political Activism’, *Forum for Anthropology and Culture*, 2012, no. 8, pp. 231–249.
- Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Cultural Studies. XX Century. Encyclopedia]. St Petersburg: Universitetskaya kniga; Aleteya, 1998, vol. 1, 447 pp. (In Russian).
- Leontovich O. A., *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communication Studies]. Moscow: Gnozis, 2011, 224 pp. (In Russian).
- “Traurnoe shestvie” v Moskve i Peterburge: ot pokhoronnoy protsessii k politicheskoy demonstratsii’ [“Mourning March” in Moscow and

St Petersburg. From Funeral Procession to Political Demonstration], *Monitoring aktualnogo folklora. Byulleten issledovatel'skoy gruppy* [Monitoring of Actual Folklore. Research Team Bulletin], 2015, Jan.-March, nos. 1–3. Moscow: RANKhiGS, 2015, pp. 37–40. (In Russian).

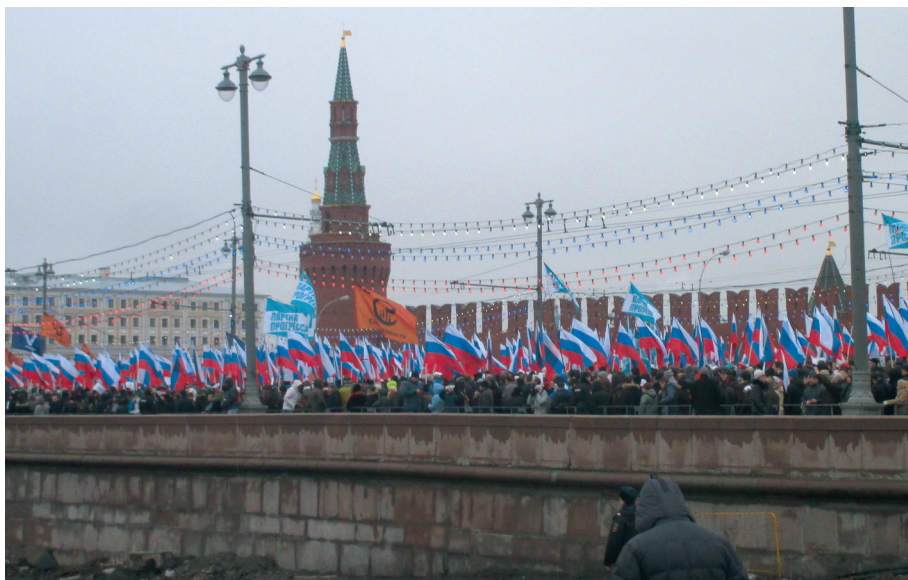
Иллюстрации к статье Дмитрия Громова

Ил. 1. Центральная часть мемориала 2 марта 2015 г.
Видно продолжение мемориала до окончания моста. Фото Д.В. Громова

Ил. 2. Плакаты мемориального шествия с протестами против террора.
2 марта 2015 г. Фото Д.В. Громова

Ил. 3. Российские флаги над мемориальным шествием.
1 марта 2015 г. Фото Д.В. Громова

Ил. 4. Оформление центральной части мемориала 27 августа 2015 г.:
табличка, указывающая количество дней после убийства;
информационный плакат; российский флажок;
букет расцветки украинского флага; портреты (в том числе работы Е. Хейдиз)
и высказывания Б.Е. Немцова; стихи; лампы и т.д. Фото Д.В. Громова